

Этнополитика федеральной власти и активизация русского национализма

Федеральные власти ставят перед собой вполне осмысленную задачу в сфере этнополитики, но не прилагают усилий, которые хотя бы теоретически могли быть достаточными для достижения результата | **АЛЕКСАНДР ВЕРХОВСКИЙ**

Политическая система сегодняшней России устроена таким образом, что никакое политическое движение, партия или совокупность группировок не могут выступать в роли реального конкурента федеральной власти, если рассматривать эту конкуренцию не в слишком дальней перспективе и не обольщаться (вариант — не пугать себя) шансами на скорую революцию. Это в полной мере относится и к русским националистам (в их случае революция называется «белой» или «национальной»). И тем не менее федеральная власть оперирует не в безвоздушном пространстве: для удержания власти ей необходимо хотя бы пытаться решать те проблемы, которые видит перед собой общество.

Целый круг таких проблем связан так или иначе с этничностью: это *nation-building*, массовая иммиграция, очень низкий уровень этнорелигиозной толерантности, выливающийся все чаще в уличные беспорядки, и т. д. Важная особенность ситуации в том,

что сама интеллектуальная постановка этих проблем за пределами узкого круга экспертов (антропологов, социологов, политологов) исходит полностью или почти полностью от русских националистов. Подобная ситуация сложилась, по существу, еще в 1990-е годы, и сейчас все постановки этнополитических проблем, значимые в общественном дискурсе, сформированы националистически ориентированными авторами (будь то политики или публицисты; доводилось видеть, как в теленовостях видных праворадикальных активистов представляли в качестве «экспертов по миграции»). В наши дни власть может или строить свою политику, опираясь на этот дискурс, или совершить поистине революционное усилие в попытке изменить его на какой-то другой, более подходящий для ее целей.

Когда мы говорим о формировании «политики властей», о «целях власти», даже если речь идет, как в этой статье, о федеральных властях, следует иметь в виду некоторые

важные уточнения самих этих терминов. Во-первых, «власть» — это не машина, управляемая лично Владимиром Путиным, это широкая группа ответственных чиновников, чьи мнения и интересы могут не совпадать. По особо важным вопросам в группе может быть достигнут консенсус, но это требует либо реального общего согласия (что маловероятно само по себе), либо значительных усилий по установлению консенсуса. Если такая операция не была проведена, единой политики и даже единого целеполагания ожидать не следует. Во-вторых, этнополитика связана с ценностными представлениями людей, а чиновники — тоже люди. Конечно, они прагматичны, но их личные взгляды нельзя сбрасывать со счетов. В качестве первого допущения стоит предположить, что в среднем эта группа разделяет примерно те же взгляды и предрассудки, что и общество в целом. Тем самым на многочисленные вопросы, возникающие в популярном дискурсе об этничности и всем, с ней связанном, власть порождает веер ответов. И именно он и является де-факто «политикой власти».

Официальная этнополитика

Не следует думать, что власть, или Кремль (можно пользоваться и таким условным термином), лишь реагирует на внешние запросы. У него может и должен быть свой интерес в данной сфере. Лидеры постсоветского российского государства не замечены в последовательном проведении какой-то определенной идеологии, так или иначе касающейся темы этничности, хотя в последнее время и сам президент, и другие члены истеблишмента проявляют несколько больше интереса к идеологическим вопросам. Однако можно предположить, что этот интерес заключается в том, чтобы «этнопроблематика» не мешала достижению каких-то значимых для Кремля целей. Иначе говоря, основная задача здесь — укрепление стабильности и управляемости.

Этим можно объяснить основные риторические установки тех, кто выступает от имени федеральной власти. В первую очередь необходимо избегать «международных конфликтов». Кроме того, следует крепить единство России — как территориальное, так и единство ее граждан (в том числе против внешних противников). На уровне намеков, но очень прозрачных, это представлено, например, в последнем президентском послании Федеральному собранию¹. В той же стилистике прозрачного намека указаны и основные внутренние угрозы, препятствующие достижению этих двух основных задач: «обнаглевшие выходцы из некоторых южных регионов России», коррумпированные правоохранители, «этническая мафия» (очевидно, не русская) и русские националисты (многозначительно обозначенные как «так называемые», но тогда какие не «так называемые», президент — пока? — не разъяснил).

Борьба с преступностью (пусть и с «этнической мафией») и коррупцией не являются, собственно, частью этнополитики, так что остаются две основные задачи — укрепление единства, которому грозят, с одной стороны, северокавказские «стихийные националисты», то есть те самые «обнаглевшие выходцы» (и речь тут, вероятно, не только об уличной шпане, но и о более статусных группах, связанных с регионом), а с другой — оппозиционно и агрессивно настроенное движение русских националистов.

Можно обратиться к документу, подготовленному Министерством регионального развития для Дмитрия Медведева сразу после декабрьских беспорядков на Манежной площади 2010-го². Этот документ стал позже основой для «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной указом Президента в декабре 2012-го³, и последующей Федеральной про-

граммы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», утвержденной Правительством в августе 2013-го ⁴. Доклад, опубликованный в феврале 2011 года, конечно, менее официальный, зато более открытый и понятный.

Там ясно говорится, что основными проблемами являются «слабая общероссийская гражданская идентичность... при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации», «отсутствие обще-

вовсе не означает их несовместимости в рамках политической стратегии.

«Цивилизационный национализм» ⁶ является в современном русском национализме антиподом национализма этнического ⁷. Прагматически он более пригоден для существующего политического режима, чем этнический, поскольку предполагает идеологически мотивированную автократию (того или иного вида), а сама «русскость» определяется через российское государство и его идеологию. Национализм же граждан-

“Предлагаемый сверху национализм — не вполне «цивилизационный»: сама наша «цивилизация» остается весьма смутным образом”.

ственного согласия по вопросу базовых ценностей российского общества», а также активизация радикальных и националистических настроений, всех религиозных течений, массовая иммиграция и, конечно, подрывная деятельность внешних сил разного рода (и намек был, похоже, скорее не на Запад). Особо отмечались «сложное социокультурное самочувствие русского народа» и «незначительная роль традиционных ценностей». Там же говорилось, что позитивная роль и государства, и некоммерческого сектора очень слаба. Основная цель доклада — принятие необходимого комплекса мер для укрепления общенационального единства в противовес этнической и религиозной мобилизации, в том числе — русскому этнонационализму. Единство же предполагается строить одновременно на принципах гражданской нации и «цивилизационного национализма» ⁵. Возникает вопрос: как возможно такое сочетание? Ведь неоднократно приходилось слышать, что гражданская нация принципиально несовместима с посылками «цивилизационного национализма». Но теоретическая несовместимость концепций

скай предполагает единство граждан именно как коллективного и активного источника власти в отличие от иных ее возможных источников — племенных кланов, аристократии, церкви, династии, что, казалось бы, не предполагает общую идеологию и исключает авторитарность.

Но ведь власти и не пытаются совместить эти подходы полностью. Они явно не насаждают никакой единой идеологии: определенный отход от демонстративного прагматизма, заметный в последние годы, еще очень далек от того, что можно было бы назвать идеологическим режимом. Так что предлагаемый сверху национализм — не вполне «цивилизационный»: сама наша «цивилизация» остается весьма смутным образом, в ней действительно важно только то, что она существует. С другой стороны, из гражданского национализма берется скорее его «негативная» компонента — исключение каких бы то ни было элитных источников власти, кроме собственно правящей группы, при одновременной апелляции именно к большинству граждан, что и типично для плебисцитарных автократий ⁸. Такой «полугражданский»

национализм как метод нациестроительства отнюдь не исключен, что и продемонстрировала, например, Франция периодов правления Наполеона I и Наполеона III. Задача преодоления региональных или этнических различий при подавлении различий политических при бонапартистских режимах во Франции сравнительно успешно решалась, так что и задачи Кремля не кажутся невыполнимыми.

Однако есть и трудности, и они более или менее прямо признаются в уже упомянутом документе 2011 года. Первая и наименее

быстро нарастающая социальная напряженность. Но для принятия серьезной программы интеграции нужно в первую очередь признать — не только властям, но и обществу, — что массовая иммиграция действительно неотменима, а такого признания пока нет.

Третья трудность — методологическая. Все имеющиеся проблемы интерпретируются довольно прямолинейно, в духе «предотвращения межнациональных конфликтов», то есть стратегическая задача власти, о которой говорилось выше, прямо транслируется в политику. Между тем для реальной профилактики

“Для принятия серьезной программы интеграции нужно признать — не только властям, но и обществу, — что массовая иммиграция действительно неотменима”.

признаваемая трудность — углубляющийся кризис на Северном Кавказе, особенно Северо-Восточном. Дело не только в особо высоком уровне насилия, коррупции и произвола чиновников и силовиков, но и в том, что эти республики по всему укладу жизни все более отдаляются от среднероссийского уклада⁹. Процесс интеграции региона, который медленно и болезненно проводили империя Романовых и Советский Союз, отчетливо повернул вспять. И это, естественно, отражается непосредственно на взаимоотношениях выходцев из этого региона с остальными гражданами. Трудно сказать, верят ли в Кремле, что проводимая сейчас политика может как-то исправить положение, но пока что возникает ощущение, что неспособность решить «проблему Кавказа» является самым уязвимым местом власти.

Вторая трудность — массовая иммиграция. Она неизбежна по ряду причин, которые никакой режим отменить не способен. Это означает необходимость принять миллионы «чужих» и превратить их в «своих», поскольку альтернативой этому может быть только

конфликтов нужен более комплексный подход, неплохо уже изученный в теории и на практике (в самых разных вариантах) в той же Европе. Нельзя сказать, что в России недостает хороших экспертов по этнополитике. Их влияние (и, надо полагать, и авторство некоторых из них) очевидно в упомянутой «Стратегии государственной национальной политики»: среди основных целей этнополитики названы укрепление гражданского самосознания, интеграция мигрантов и противодействие дискриминации (а также обязательное «сохранение многообразия» и лирическая «гармонизация межэтнических отношений»). Далее в Стратегии написано много правильного, хотя многое, естественно, вызвало бы дебаты, если бы дело дошло до ее активного обсуждения в обществе. Но она не обсуждается. Наверное, потому, что никто особо не верит, что этот документ действительно отражает реальную этнополитику федеральной власти. Когда была опубликована упоминавшаяся выше Федеральная программа, принятая на основе Стратегии, большая часть откликов касалась заложенных в нее сумм, а не ее содержания.

Формулировки программы, естественно, во многом повторяют формулировки Стратегии: в этом документе сочетаются две установки — культивирование этнических особенностей (традиций) и культивирование общегражданского сознания. Кажется, авторы исходят из того, что реальной задачей является реализация второй установки, а реализация первой — дань консервативным настроениям в целом и группам этнически мотивированных активистов и бюрократов, в частности. Если обратиться к списку мероприятий Программы, их легко разнести по этим двум категориям. Некоторые явно выродятся в «показуху», но некоторые, вероятно, принесут пользу целевым группам и даже работают на одну из указанных задач. Пожалуй, Программа выглядит не хуже, чем многие виденные мной проекты НПО в сфере этнорелигиозной толерантности, разве что масштаб покрупнее. Так что и пользы будет тем больше, чем качественнее будут работать вовлеченные в Программу чиновники.

Но вот что полностью выпадает из фокуса Программы, хотя и подчеркивалось в Стратегии, — так это системные меры в таких сферах, как противодействие дискриминации, утверждение равенства граждан перед законом, расширение участия в управлении, снижение уровня коррупции в тех сферах, которые особенно чувствительны для этнической политики, и т. д. В этих сферах федеральная власть легко готова соглашаться, что проблемы есть, но не готова всерьез браться за их решение. Например, на неоднократные рекомендации международного сообщества создать действенное антидискриминационное законодательство власти РФ неизменно отвечают, что все необходимые нормы в наших законах и так есть, хотя легко заметить, что защиту от этнической дискриминации они не обеспечивают¹⁰. Но без системных мер, реально изменяющих среду обитания граждан, трудно изменить состояние их гражданской самоидентификации.

Таким образом, можно констатировать, что федеральные власти ставят перед собой вполне осмысленную задачу в сфере этнополитики, но не прилагают — и пока даже не собираются прилагать — усилий, которые хотя бы теоретически могли быть достаточными для достижения результата. Во многом это происходит, надо думать, по той причине, которая была указана в самом начале статьи, — недостаточной приоритетности темы, вследствие чего властным группам никак не удастся мобилизоваться, преодолеть имеющиеся разногласия и начать формировать реальную политическую линию. Но есть, конечно, и другая причина: этнополитика во многом складывается из тактических реакций на те или иные кратко- и среднесрочные проблемы, а такие реакции не могут сами по себе складываться в единую линию.

Реактивная этнополитика

Первый, и основной, раздражитель для Кремля — Северный Кавказ, где сохраняется заметная вероятность того, что серия локальных столкновений превратится в масштабные военные действия. И речь идет не об исподволь растущем сепаратистском движении, хотя по старинке Кремль опасается, похоже, именно этого, откуда и участвовавшие упоминания сепаратизма президентом Путиным¹¹, а это само по себе ставит под сомнение эффективность политики на Северном Кавказе. Впрочем, последняя — совсем не тема данной статьи, нас интересует скорее отражение этой политики в «метрополии». И основным отражением следует считать тот комплекс негативных эмоций и конфликтных ситуаций, который связан с представителями народов Северного Кавказа за пределами их республик.

Власти принимают меры для предотвращения терактов, ассоциируемых с Кавказом, но в списке источников беспокойства, которое

испытывают граждане, угроза терроризма стоит далеко не на первом месте. На первом месте — претензии к «неправильному поведению»¹². Неправильность понимается гражданами очень широко, от «повышенной криминальности» до нерусской речи на улице, и почти ни с чем из предъявляемых претензий сделать ничего нельзя посредством тех инструментов, которые доступны властям. За преступления и так привлекают всех, кого может привлечь недостаточно профессиональная и чрезмерно коррумпированная полиция. Это относится и к такой популярной — особенно среди молодежи — претензии к «кавказцам», что они в драках часто прибегают к оружию. Полиция и власти вряд ли могут научить каких-то людей, будь они из Махачкалы или из Рязани, не вести себя по-хамски. И уж точно ничего не поделаешь с тем, что люди говорят на том или ином языке¹³. Остается одно — уговоры, и здесь все представители власти сверху донизу повторяют мантру, что надо уважать «местные традиции»¹⁴, хотя никогда не разъясняется, что под этими традициями следует понимать и в какой форме должно выражаться к ним уважение (примечательно, что речь всегда идет о «традициях» этнокультурного большинства, что бы это ни значило, в той или иной местности, то есть утверждается приоритет особенностей местного большинства над особенностями меньшинств и тем более индивидов).

Второй серьезный раздражитель — высокий уровень этнической (религиозной — пока меньше) ксенофобии среди практически всех групп населения. Этот уровень столь высок, что не может не порождать крайние проявления. Наиболее заметные и потенциально наиболее опасные для властей проявления — это локальные беспорядки с участием широких масс местных жителей. Модельным примером таких беспорядков стали события в Кондопоге в 2006 году. С тех пор этот сюжет

повторялся много раз с теми или иными вариациями, а националистические организации много раз пробовали инспирировать такие события, хотя чаще без успеха¹⁵. Важно то, что подобные беспорядки со временем происходят все чаще, а в 2013-м случились уже и на московской окраине — в Бирюлево-Западном (этот район в силу своей изолированности похож на небольшой городок).

Никакого способа предотвращать такого рода беспорядки никто пока не придумал¹⁶. Но каждый раз, когда они становятся важным медийным фактом, высокопоставленные чиновники, вплоть до президента страны, начинают делать заявления, направленные на то, чтобы успокоить страсти в среде этнического большинства, которое обозначается как «коренные жители». Заявления бывают самые разные. Это может быть сугубо символический жест вроде поездки Путина на могилу футбольного хулигана Егора Свиридова, чья гибель в уличной драке стала поводом к беспорядкам 11 декабря 2010 года на Манежной площади. Но может быть и популистский закон типа «закона о резинových квартирах», подписанного в конце 2013-го, и это уже хуже. Ведь в данном случае ради популистской цели — борьбы с фиктивной регистрацией мигрантов — государство ставит в положение правонарушителей сотни тысяч собственных граждан, которые по тем или иным причинам временно «разминутись» со своей регистрацией¹⁷.

Другое радикальное проявление этноксенофобии — систематическое уличное расистское насилие, непрерывно нараставшее с конца 1990-х, со времени появления идеологизированной субкультуры наци-скинхедов. Сами по себе эти группировки и нападения не так уж и беспокоили власти, но после Кондопоги, видимо, была замечена связь между ними и локальными беспорядками, что побудило активизировать полицейскую работу против ориентированных на насилие

расистских группировок. Эти группировки, хотя и выросли на массовых ксенофобных настроениях и видят себя их авангардом, представляют собой самостоятельную и не столь многочисленную среду (по моим оценкам — 15–20 тыс. человек на всю страну, объединенных преимущественно в мелкие группы локального происхождения), так что полицейские меры по отношению к этой среде вполне эффективны. По данным Центра «Сова», полиция в 2007–2010 годах арестовала сотни участников таких групп, и

тяжении уже многих лет эти люди составляют большинство в обществе. Конечно, это большинство никак не структурировано и не имеет политического представительства, но большинство формирует язык, на котором обсуждаются те или иные социальные проблемы, и оно же является объектом популистской заинтересованности политиков.

Прямо играть на этнической ксенофобии для федеральной власти всегда считалось недопустимым, так как это напрямую касалось вопроса стабильности. Оппозиционные

“Представители власти повторяют мантру, что надо уважать «местные традиции», хотя не разъясняется, что под этими традициями следует понимать”.

в результате расистское насилие, достигшее пика в 2008-м, заметно пошло на убыль, особенно в части убийств (так как они в среднем куда лучше расследуются)¹⁸. Важно также отметить, что непосредственной физической угрозы для властей радикальные националисты не представляют. В их среде еще в середине 2000-х годов стали циркулировать манифесты, авторы которых настаивали на том, что атаки на этнические меньшинства не могут быть эффективными, так как миграция слишком массовая, и, следовательно, нужно перейти к «атакам на систему», которая и виновна в миграции. Но атаковать полицию и иные элементы «системы» оказалось слишком опасно. В результате таких нападений было сравнительно немного, и практически все люди в ультраправой среде, активно в это вовлеченные, уже арестованы.

Наконец, третье неизбежное следствие массовой интолерантности — проникновение этих настроений в «большую политику» и в мейнстримный общественный дискурс. Дело даже не в самом количестве людей, нетерпимо настроенных к тем или иным этнически определяемым «другим», а в том, что на про-

партии, и отнюдь не только ЛДПР и КПРФ, могли себе это позволить, но тоже вели себя довольно сдержанно, особенно если речь шла о федеральных избирательных кампаниях¹⁹. Зато в 2000-х допускались маневры, призванные перехватить лозунги и влияние неподконтрольных «уличных националистов», то есть собственно националистического движения. Общеизвестным примером являлась эпопея блока «Родина»²⁰, но не менее существенной была попытка придать некоторые функции «управляемого национализма» прокремлевским молодежным движениям, что практиковалось в 2008–2009 годах²¹. Надо сказать, с тех пор Кремль к этой практике не возвращался. А зарегистрированным в результате медведевской либерализации законодательства о партиях националистическим «Родине» и «Российскому общенародному союзу» в ходе региональных кампаний 2013 года не было оказано никакой поддержки, и участие их оказались практически никем не замеченным.

Иначе говоря, идти навстречу националистической риторике на политическом поле власти не захотели. Но вовсе эту риторику

проигнорировать или что-то ей всерьез противопоставить в широкой общественной полемике они тоже не захотели или не смогли. Даже без детального анализа реплик первых и вторых лиц в последние годы можно заметить, что никакой последовательной и более или менее понятной риторической политики так и не возникло. Вместо этого на слой давно заезженных фраз о «дружбе народов» и «предотвращении межнациональных конфликтов» наложилось отдельные и не складывающиеся в единую картину реплики о гражданской нации, с одной стороны,

обоим этим направлениям федеральные власти, не скованные соображениями соблюдения демократических норм, могли бы вполне эффективно противостоять националистам через политический контроль над массовыми СМИ, системой выборов и правоохранительными органами, но это требует продуманной политики, сочетающей внятно сформулированные жесткие запреты и активные мероприятия по противодействию оппонентам. Например, могло бы действовать правило, кого именно нельзя выпускать в федеральный эфир (как оно действует по отношению

“До начала протестного движения в декабре 2011-го русский национализм можно было считать наиболее перспективным политическим течением”.

и об «угрозе миграции» и о «неуважении традиций», с другой стороны (см., например, процитированные выше фрагменты из последнего президентского Послания). Можно сказать, что власти как минимум не оказывают должного сопротивления происходящей проксенофобной трансформации мейнстримного общественного дискурса об этничности.

Как третий раздражитель для федеральной власти можно рассмотреть «политическое крыло» группировок русских националистов²², то есть политическое движение русских националистов и ряд «беспартийных» публицистов, выступающих в том же духе. Спектр русского национализма довольно широк и имеет свою внутреннюю динамику²³, но нас он сейчас интересует только в плане восприятия его из-за кремлевской стены.

Национализм как движение оказывает двоякое влияние. Во-первых, он, повторяюсь, формирует тот самый язык, который потом проникает в мейнстрим. Во-вторых, националисты пытаются сформировать реально действующую оппозицию. В принципе, по

ко многим известным оппозиционерам) и какие именно аргументы (и каких спикеров) надо противопоставлять тем, кого в этот эфир выпускают. Но на практике мы такой системы не видим: в эфире федерального ТВ вполне мог появляться в роли народного борца с педофилами знаменитый неонацист Максим (Тесак) Марцинкевич (ныне все же арестованный), и его, собственно, никто и не пытался дискредитировать, коли он уже в эфир попал. Возникает ощущение, что опасения, связанные с националистическим движением, недостаточны, чтобы выстроить механизмы противодействия его влиянию. В результате влияние, или хотя бы — известность, движения растет: стоит сравнить упоминаемость его деятелей до начала «русских маршей» и после, до событий на Манежке в 2010 году и после и т. д. Сами опасения, естественно, тоже растут, но, видимо, недостаточно быстро, чтобы принципиально изменить политику в отношении источника опасений.

При этом реальный масштаб движения русских националистов не так уж велик. Оно статистически почти совпадает с массой

ориентированных на насилие молодежных группировок, что является важной причиной того, что средний ксенофобно ориентированный гражданин затрудняется к этому движению примкнуть. (Хотя не менее важно то, что этот гражданин склонен доверять реализацию своих ксенофобных чаяний скорее властям, чем каким-то низовым движениям²⁴.) До начала протестного движения в декабре 2011-го «русские марши» были крупнейшим оппозиционным мероприятием и, соответственно, русский национализм мог пониматься как наиболее перспективное политическое течение, но 6 тыс. на основном столичном «русском марше» (а вокруг этой цифры численность марша колеблется уже три года) теперь не могут считаться показателем перспективного движения. То есть, в принципе, это движение не растет благодаря не столько эффективному противодействию, сколько собственным внутренним ограничениям.

Что-то изменилось в 2013 году

С началом протестного движения можно было предположить, что национализм в нем займет значительное, а то и лидирующее место, если оценивать потенциал по уровню массовой ксенофобии и масштабу уличных мероприятий разных течений оппозиции до 4 декабря 2011-го. Но на практике такие предположения не оправдались. Во-первых, ксенофобные лозунги были мало задействованы и непопулярны в протестном движении²⁵. Во-вторых, подавляющее большинство радикальных националистов не сочли возможным участвовать в общих маршах с либералами и левыми, в результате чего националисты были представлены в этих акциях лишь в малых количествах — на московских маршах их число не бывало, за единственным исключением, больше 500–600 человек, зато не раз было существенно меньше²⁶.

Слабое участие националистов в протестном движении, которое, по крайней мере,

с середины 2012 года стоит называть оппозиционным, не мешало многим считать, что этноксенофобные эмоции как оппозиционный потенциал должны еще себя показать. Больше ничем иным невозможно объяснить то, что лидеры оппозиции продолжали привечать лидеров националистов, которые устраивали драки на митингах и даже пытались штурмовать сцену. А в феврале 2013-го Координационный совет оппозиции без единого голоса против проголосовал за нелепую по форме националистическую резолюцию в поддержку визового режима со странами Средней Азии.

Функционирование федеральной власти гораздо менее прозрачно, чем функционирование оппозиции, так что мы можем только предполагать, что думали в Кремле о политической перспективности этнонационализма. Но в 2012-м политика в отношении последнего никак не изменилась. Предвыборная путинская статья об этнополитике²⁷ была полностью выдержана в духе общей, описанной выше, линии, а в декабре была утверждена упомянутая выше Стратегия. Кремль принимал самые разные пропагандистские кампании против оппозиции, мог опираться при этом и на откровенно ксенофобные эмоции большинства граждан, как в случае гомофобной кампании, но не менял свои ориентиры в этнополитике. И это казалось тогда чем-то вполне естественным: ведь существенные уступки этнонационалистам могли быть чреваты лишь дальнейшей дестабилизацией ситуации, и потенциальные пропагандистские выгоды не компенсировали предстоящих трудностей в преодолении последствий подобных маневров.

Но с начала или, по крайней мере, с весны 2013 года что-то изменилось. Нельзя сказать, что «вдруг». Нельзя сказать, что перемена была резкой и была вовремя кем-то замечена. Но тем не менее перемена явно произошла. Дело не в полицейских облавах на мигран-

тов, не в депортациях — все это происходило и раньше. И само собой, на количество приезжих в городах, где проводились такие операции, они никак не влияли: на освобожденные рабочие места приезжали новые люди. Сомнительно даже, нес ли бизнес при этом существенные потери. Конечно, замена работников стоит каких-то денег, но с учетом распространенной практики задержки зарплат внезапная депортация — это экономия для работодателя. Изменение заключалось в том, что в 2013-м заметно выросло количество антимигрантских по тону или содержанию заявлений различных официальных лиц, облавы на мигрантов стали более массовыми и их стали активно рекламировать по телевидению. Конечно, в глаза бросалась антимигрантская кампания в Москве, совпавшая с предвыборной агитацией мэра Собянина, но ведь подобные события происходили и в некоторых других — но не всех! — регионах, где выборов в сентябре не было (например, в Санкт-Петербурге).

На данный момент мне неизвестны количественные исследования, которые могли бы продемонстрировать этот прирост публичной антимигрантской компоненты в политике, но едва ли можно отрицать, что антимигрантская кампания в 2013 году имела место²⁸. Отмечу только удивительную динамику правоприменения. Тема «этнической преступности» является одной из популярнейших, но она плохо подтверждается полицейской статистикой, так как официального учета преступников по их этничности не существует. Есть учет идентифицированных преступников по критерию наличия российского гражданства, что позволяет говорить об уровне именно иммигрантской преступности. Так вот, количество выявленных преступников-неграждан в последние годы неуклонно снижалось (с 42,5 тыс. в 2009-м до 35,5 тыс. в 2012 году, но снижалось оно вместе с общим количеством выявленных

преступников и оставалось на уровне около 3,5 проц. по стране. В Москве эта пропорция, естественно, была выше: в 2010–2012 годах она колебалась в районе 20–21 процента. А вот в 2013-м проценты внезапно изменились. Судя по данным за январь–ноябрь, по России процент поднялся до 3,8, а по Москве подскочил до 25²⁹. Трудно поверить, что неграждане стали именно в прошлом году и именно в столице на четверть криминальнее, гораздо легче предположить, что изменилась политика правоохранительных органов по отношению к негражданам.

Последствия изменения политики сверху не замедлили сказаться на политике снизу. Националистические группировки немедленно активизировали свои самостоятельные рейды против «нелегальных мигрантов». Сами по себе рейды как форма умеренно насильственной и при этом безопасной активности ультраправых очень эффективная для привлечения новых соратников, возникли, конечно, давно, и их активизация началась еще в 2012-м. Но размах активности «Русских зачисток», «Щита Москвы», «Светлой Руси» и прочих подобных проектов в 2013 году оказался просто беспрецедентным³⁰.

Параллельно с этим, по наблюдениям Центра «Сова», прервалась длившаяся в 2009–2012 годах тенденция снижения уличного расистского насилия. Это изменение является в первую очередь следствием долгосрочных изменений в практике правоохранительных органов в последние как минимум три года³¹, так что его нельзя рассматривать как следствие антимиграционной кампании, но, так или иначе, это изменение совпало с разгулом полуполицированного насилия националистических антимигрантских рейдов. И в совокупности это снова повышает актуальность аспекта насилия в теме русского национализма.

Речь, замечу, идет не просто о движении националистов, политическая влияние

которого по-прежнему очень мала. Масса этого движения — местные молодежные неонацистские (или близкие к ним) группы, которые могут, в принципе, служить катализатором беспорядков, вовлекающих гораздо более широкий круг граждан. На практике это осуществить всегда было непросто: неонацисты активно умножаются в среде крупных городов, в которых трудно мобилизовать обычных жителей, как в Кондопоге или Пугачеве. Но события в Бирюлеве-Западном показали, что все-таки

мотивацию, — за 70 проц. перевалили показатели поддержки лозунга «Хватит кормить Кавказ» и необходимости ограничения иммиграции и депортации «нелегальных» (де-факто чаще всего — просто не сумевших оформить все нужные справки) иммигрантов. Явное большинство граждан отнюдь не руководствуется соображениями гражданского единства: уже 54 проц. считают нужным ограничить проживание в России «выходцев с Кавказа», а 63 проц. прямо говорят, что надо «ограничить приезд... на постоянное

“Действия властей в 2013-м подорвали, если не сказать — разрушили, официальный этнополитический курс на построение **надэтнического единства**”.

это возможно. Конечно, беспорядки были бы нереальны силами только неонаци: с ними бы легко справился ОМОН. Поэтому критически важно было наличие нескольких тысяч местных жителей в единой толпе. Но именно местные националисты привлекли единомышленников из других районов и вместе с ними составили боевой авангард, без которого беспорядки просто не состоялись бы. Представляется, что бирюлевские события являются наиболее тревожными в ряду сходных с ними, если смотреть на них с точки зрения сохранения контроля.

Прошедший год принес и другую перемену, которую трудно не связать с официальной антимигрантской кампанией, — это резкий, впервые с 2000 года, прирост этноксенофобских настроений³². Суммарная (полная и частичная) поддержка лозунга «Россия для русских» выросла с 56 до 66 процентов. Сумма негативных высказываний о «южанах» достигла 61 проц., что превысило даже показатели времен второй чеченской войны. И это — не говоря уже о суждениях, в которых можно найти не только расистскую, но и какую-то иную (экономическую, например)

место жительства и на заработки жителей других регионов России».

Такие резкие перемены не могли быть вызваны никакими сдвигами в миграции или еще в каких-то измеряемых параметрах — просто потому что резких изменений не было. Единственная явственная перемена — сдвиг в официальном и медийном дискурсе о миграции и об этничности. Потому приходится считать, что эта перемена дискурса и есть причина перемены массовых настроений. Иначе говоря, действия властей в 2013-м (а за смену тона, языка и тематики дискуссий в больших медиа у нас отвечают какие-то власти) сильно подорвали, если не сказать — разрушили, официальный этнополитический курс на построение надэтнического единства.

Произошедший переход от «ксенофобного большинства», сложившегося в начале 2000-х, к «ксенофобному супербольшинству» можно рассматривать по аналогии с пропутинским супербольшинством, возникшим в начале путинского правления. Политически важно и то, что все показатели этноксенофобии в Москве гораздо выше, чем в среднем по стране³³. Такое супербольшинство ведет к исключе-

нию и маргинализации других позиций, других идейных течений. Правда, достижение этого результата происходит не само собой, нужны еще политические усилия. Но пока Кремль не демонстрирует готовности концептуально подержать этноксенофобное супербольшинство.

Чтобы понять, как могут развиваться события дальше, хорошо было бы понять, как возникла, вразрез с официальной этнополитикой, антимигрантская кампания 2013 года. Но пока, как мне кажется, невозможно сказать, что именно ее породило. Нельзя, например, сказать, что это была популистская реакция на популизм и растущую популярность Алексея Навального. Хотя бы потому, что антимигрантская кампания велась не только в Москве и началась в целом еще до избирательной кампании. Я так и не смог понять, почему одни высокопоставленные чиновники активно выступали в рамках кампании, а другие нет. Сказались их личные взгляды? ³⁴ Существуют разногласия между бюрократическими кланами? Чьи-то корпоративные или личные интересы настраивают их за или против каких-то групп? А может, на этом бюрократическом уровне многие обратили, наконец, внимание на то, что российские граждане этнополитикой властей недовольны, и решили, что пора предпринять какие-то «показательные меры».

Можно только заметить, что чиновник среднего уровня вряд ли ощущает себя ответственным за всю политику государства, касающуюся этничности (по крайней мере, если он сам не работает в соответствующем департаменте). Поэтому мэру Москвы, хотя политически он не региональный лидер, а часть федеральной власти, легко говорить, что он против интеграции рабочих из Средней Азии ³⁵: ему же не надо думать о проблемах путинского евразийского проекта, заниматься собственно регулированием миграции или пытаться реинтегрировать Северный Кавказ (хотя это и другая тема).

Не видно следов того, что президентская администрация выступила режиссером кампании, а с другой стороны, она ее и не пресекала ничуть, даже сам президент Путин настойчиво повторял, что облавы на мигрантов — это всего лишь соблюдение законности ³⁶. Получается, что Кремль кампанию не инициировал, но и не усмотрел в ней угрозы его же собственной политике. А ведь угрозы, вроде, очевидны: растущий накал этнической вражды подрывает политическое единство нации, нарастающее отторжение иммигрантов из Средней Азии идет вразрез с тем же евразийским проектом. Видимо, это надо понимать как очередной отложенный стратегический выбор. Точнее, речь идет сразу о нескольких выборах, взаимосвязанных, но лежащих в разных плоскостях, и я здесь назову лишь некоторые.

Кремль может расширить или сузить партийно-политический плюрализм. В частности, вполне реально в «ручном режиме» отрегулировать допуск тех или иных националистических сил на политическую авансцену, не исключена также и поддержка одних таких сил против других. И любой сценарий, кроме полного исключения, будет означать возможность переключения надежд части ксенофобно ориентированных избирателей с «партии власти» на те или иные партии националистов, что вернет политический национализм, по крайней мере, на уровень 2005 года.

В целом стоит заметить, что, хотя сам по себе рост ретроградных и примитивизирующих представлений является следствием деполитизации общества, «возвращение политики» дает позитивный в этом смысле эффект отнюдь не сразу. Сперва накопленные и не репрезентированные должным образом представления должны быть выплеснуты на политическую сцену. И этого этапа, рано или поздно, не избежать. А пока перед властями стоит выбор, как реагировать на учащающиеся беспорядки, менять ли поли-

цейскую политику по отношению к идеологизированному уличному насилию, менять ли политику цензурирования национализма в больших масс-медиа и т. д.

Кремль (понимаемый здесь как совокупная воля правящих групп) может принять перемены 2013 года как данность и основывать далее свою политику на представлениях «ксенофобного супербольшинства». Этот путь чреват значительными потрясениями, но он все же может быть избран, если покажется единственно возможным для сохранения власти.

Кремль может осознать опасность, связанную с дальнейшим разогреванием этнической тематики, и провозгласить какую-то системную программу противодействия этнонационализму и этноксенофобии. Это возможно только в случае, если будет предпринято упомянутое в начале этой статьи усилие по установлению эффективного консенсуса в правящих кругах — не только на уровне концептуальных рассуждений в духе нынешней Стратегии, но и в виде практических

программ, направленных на интеграцию внутренних и внешних мигрантов, на переход от популистских метаний в вопросе «регулирования миграции» к реалистической миграционной политике, на систематическую борьбу с этнической дискриминацией и т. д. Такая политика не была бы легкой, но и безнадёжной ее счесть нельзя: сочетание сохраняющегося авторитета власти с наработанными в иных странах методами могло бы со временем дать позитивный эффект. Но, кажется, проблема в том, что такой результат слишком неочевиден и слишком отдален, чтобы нынешняя федеральная власть могла на него практически ориентироваться.

Может быть, реалистичнее предположить, что в разных сферах, имеющих отношение к этнополитике, будут приняты разные и никак не соотносящиеся друг с другом решения. Наконец, федеральная власть может не принимать никаких существенных решений вообще. И почему-то именно этот сценарий кажется наиболее вероятным. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт Президента РФ. 2013. 12 дек. (<http://www.president.kremlin.ru/news/19825>).

² Текст доклада доступен на сайте министерства: Доклад Государственного Совета Российской Федерации. О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе // Сайт Министерства регионального развития. 2011. 29 марта (http://www.minregion.ru/activities/internethnic_relations/national_policy/505/902.html).

³ Указ и текст Стратегии доступны на сайте Президента (<http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>).

⁴ Постановление Правительства и текст Программы доступны на сайте Правительства (<http://government.ru/docs/4022>).

⁵ Более подробный анализ этого документа и предшествующей ему риторической практики верховной власти см.: *Верховский А.* Современное дис-

курсивное противостояние русских националистов и федеральных властей // Вестник общественного мнения. 2011. № 4 (110). С. 5—18.

⁶ *Паин Э.* Россия между империей и нацией // Pro et Contra. 2007. № 3; *Шнифельман В.* Время цивилизации: Цивилизационный подход как национальная идея // Российская модернизация: Размышления о самобытности. М.: Три квадрата, 2008. С. 198—232.

⁷ К этой теме возможны различные подходы. Мой подход см.: *Верховский А.* Эволюция постсоветского движения русских националистов // Вестник общественного мнения. 2011. № 1 (107). С. 11—35.

⁸ К России этот термин применял, например, Леон Арон: *Aron L.* Putin's Risks // American Enterprise Institute for Public Policy Research Review. Winter 2005 (www.iet.ru/files/text/guest/Aron/Putins_Risks.pdf).

⁹ См., например, недавний доклад *International Crisis Group* «Северный Кавказ: Сложности интегра-

ции (III): государственное управление, выборы, верховенство права» // Сайт ICG. 2013. 6 сент. (<http://www.crisisgroup.org/~media/Files/europe/caucasus/Russian%20translations/226-the-north-caucasus-the-challenges-of-integration-iii-russian.pdf>).

¹⁰ *Осинов А.* Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать? М.: Центр «Сова», 2012. С. 115–129.

¹¹ Даже в последнем Послании сразу после «русских националистов» в кавычках шли «разного рода сепаратисты» уже без кавычек: Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт Президента РФ. 2013. 12 дек. (<http://www.president.kremlin.ru/news/19825>).

¹² Межнациональная нетерпимость в городской молодежной среде (по следам событий на Манежной) // Сайт Общественной палаты РФ. 2011. Апр. (<http://www.oprf.ru/files/oprosmolodezh.pdf>). С. 17.

¹³ Хотя попытки есть: сейчас в Думе находится на рассмотрении законопроект, запрещающий сотрудникам сферы обслуживания говорить не по-русски на рабочем месте.

¹⁴ На эту тему цитировать можно бесконечно, поэтому ограничусь ссылкой на президента: Мигранты должны уважать традиции и культуру России — заявил Путин // РИА «Новости». 2013. 6 нояб. (<http://ria.ru/society/20131106/975124538.html>).

¹⁵ Эта политическая практика названа в докладах Центра «Сова» «кондопожской технологией». Обо всех значимых событиях такого рода можно прочитать в соответствующих главах ежегодных докладов, которые доступны на сайте Центра: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/>

¹⁶ Выдвинутую после Бирюлева идею переложить ответственность за «межнациональный мир» на безвластные муниципальные органы трудно считать разумной.

¹⁷ См., например, комментарий Светланы Ганнушкиной: Пропиской по «резиновым» квартирам // Радио «Свобода». 2013. 3 февр. (<http://www.svoboda.org/content/article/25196750.html>). Этот закон отражает и более широкую тенденцию, которая стала особенно актуальной в законодательстве 2012–2013 годов: такие законы делают «противозаконными» столь массовые действия, что сугубо избирательное правоприменение, равно

пригодное для любого рода преследований и для коррупции, становится просто неизбежным.

¹⁸ Данные Центра «Сова» по расистскому насилию, конечно, далеко не полны, но в силу стабильности методики могут быть использованы для анализа тенденций. Если с 2004 по 2008 год зафиксированное нами количество жертв преступлений, которые наверняка были мотивированы этнической ненавистью и подобными мотивами, выросло с примерно 270, из которых 50 были убиты, до примерно 615, из которых 116 были убиты, то потом к 2012-м цифры снизились до 210 и 19 соответственно. Самая свежая на момент написания этой статьи опубликованная статистика доступна в приложении к докладу: *Альперович В., Юдина Н.* Праворадикал расправил плечи: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в России в 2013 году // Полит.ру. 2014. 14 февр. (<http://polit.ru/article/2014/02/14/xeno>).

¹⁹ См. например: *Кожевникова Г.* Язык вражды и выборы: Федеральный и региональный уровни: По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 годов. М.: Центр «Сова», 2008. С. 56–70.

²⁰ *Титков А.* Партия номер четыре: «Родина» и окрестности. М.: Центр «Панорама», 2006.

²¹ *Кожевникова Г.* Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях // Русский национализм между властью и оппозицией. М.: Центр «Панорама», 2010. С. 4–17.

²² Организации этнонационалистов тех или иных меньшинств имеют сейчас только региональное значение и поэтому в данной статье не рассматриваются, хотя тема сама по себе заслуживает самого серьезного изучения.

²³ Эта динамика систематически анализируется в докладах Центра «Сова».

²⁴ Об этом мне довелось писать с опорой на опрос, проведенный РОМИР по заказу международного академического проекта «Национализм и национализм в современной России»: *Верховский А.* Мигрантофобия и ее политический потенциал // Ведомости. 2013. 14 авг. (доступно: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2013/08/d27668/>).

²⁵ Опрос на «Марше против подлецов» 13 января // Левада-Центр. 2013. 7 февр. (<http://www.levada.ru/07-02-2013/opros-na-marshe-protiv-podletsov-13-yanvarya>).

²⁶ Публичная активность националистов этого периода подробно описана, см.:

Альперович В., Верховский А., Юдина Н. Между Манежной и Болотной: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2011 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2011 году. М., Центр «Сова», 2012. С. 30–37; Альперович В., Юдина Н. Ультраправые на улицах: с плакатом за демократию и с ножом в кармане: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2012 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2012 году. М., Центр «Сова», 2012. С. 19–30; Они же. Праворадикал расправил плечи...

²⁷ Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

²⁸ Могу сослаться на диалог на эту тему некоторых членов президентского Совета по правам человека на встрече с Президентом: Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Сайт Президента РФ. 2013. 4 сент. (<http://www.kremlin.ru/news/19146>).

²⁹ Данные приводятся по сайту Генеральной прокуратуры (<http://crimestat.ru>).

³⁰ Альперович В., Юдина Н. Праворадикал расправил плечи...

³¹ Эта проблематика обсуждается в том же докладе.

³² Это четко зафиксировано в осеннем опросе Левада-Центра: Россияне о миграции и межнациональной напряженности // Левада-Центр. 2013. 5 нояб. (<http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti>).

³³ Данные того же опроса показали поддержку лозунга «Россия для русских» в Москве на уровне 82 процентов. Правда, Денис Волков на семинаре Центра изучения проблем гражданства и идентичности подчеркивал в своем докладе «Антимигрантские настроения и “негражданский” протест в России», что к цифрам по Москве следует относиться с осторожностью. Но повышенный уровень ксенофобии в столице известен и по другим опросам, например, по упоминавшемуся выше опросу РОМИР.

³⁴ Между прочим, тот же опрос Левада-Центра показал повышенный уровень этнической интолерантности в группе «руководители». Об этом подробно говорил Д. Волков там же.

³⁵ «Вся эта политизация ничего хорошего не даст» // Власть. 2013. 21 окт. (<http://www.kommersant.ru/doc/2321493>).

³⁶ См. ту же стенограмму встречи Президента с Советом по правам человека.